

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Я слову жизнь свою передаю...

**Венок сонетов
в Новокузнецке**

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Я 11

Я слову жизнь свою передаю : венок сонетов в Новокузнецке ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н.Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» . – Новокузнецк, 2011. – 52 с.

Михаил БЕРКОВИЧ

Странник

1

Опять зовёт таёжная тропа,
В волшебный край, к таинственным отрогам,
Где воздух вглубь живицею пропах,
Где зверь живет в обычном мире строгом.

Столетних пихт дремучая толпа
Не потеснится пропустить дорогу
К далекому скалистому порогу –
От гривы до гранитного столпа.

Там, в дебрях, беспощадна росوماха,
И всё иное мелкое зверьё
Пытается спасти жизнь своё
Под хлипкой, обветшалой крышей страха.

Бегут все тропы мира в эту пору
В далекий край, в нехоженые горы.

2

В далекий край, в нехоженые горы
Зовёт меня заветная мечта.
В соседстве с эхом, где вершины голы,
Живет моя богиня – высота.

Зимой там стужи на расправу скоры,
Но летом нежит душу теплота.
И муз не закрываются уста,
Не затихают ветра переборы.

Там – древний клад вселенской тишины
Хранится в тайне под семью замками.
И недвижим ней замшелый камень,
Как знак многовековой старины.

Там даже солнце светит невпопад
Сквозь оголтелый жёлтый листопад.

3

Сквозь оголтелый жёлтый листопад
Бредёт к вершинам гор тропа прямая.
И я, настроен на мажорный лад,
По ней, как по судьбе своей, шагаю.

Но на пути встал лес – природы сад,
И тропка, направление меняя,
Густые травы тихо подминая,
Ведёт, куда – не знает, наугад.

Я лес люблю – невиданное благо!
Но он скрывает горизонт и мне,
И белым днём и при большой луне
Необходимы силы и отвага,

Чтобы суметь взойти на эту гору
В осеннюю неласковую пору.

4

В осеннюю неласковую пору
Как ни гляди – не отыскать луны.
Над недреманным миром тучи споро
Плывут – черны и крупных слез полны.

Быть может, бури разразятся скоро,
Но в том одни лишь небеса вольны.
Пока же на перине тишины
Во власти снов живут седые горы.

Таёжных трав пьянящий аромат
Заполонил собою поры мира.
И тишина в ушах звенит, как лира,
Так нежен её бархатный накат.

Видений – неоглядная толпа!..
Недаром говорят, любовь слепа.

5

Недаром говорят, любовь слепа.
И если ты, пленён дорогой дальней,
Под шум реки привычно засыпал,
Ты предпочтёшь палатку белой спальне,

И где-то у пихтового колка,
В избёнке этой – беззащитной, шаткой –
Сон будет, словно на перине, сладкий,
А ночь и безмятежна, и легка!

И лёгким будет утренний подъём.
По росным травам с обновлённой силой.
И первый луч – такой живой и милый –
Напомнит молодость и отчий дом...

Ну, что ж, пора! Я отправляюсь в горы.
В дорогу соберусь легко и скоро.

6
В дорогу соберусь легко и скоро.
Осенний ветер двинется мне вслед.
Как встретите меня, крутые горы?
Или каков привет – таков ответ?

Всё в вашем мире мне от роду впору.
На вас сошёлся клином белый свет,
А выбора иного просто нет,
Есть путь один-единственный, который

Даёт мне безвозмездно шар земной.
Бери его отныне навсегда...
Я принял дар. Пусть голова седа,
Но он останется навек со мной.

Я расстегнул перед дорогой ворот:
Ты подожди меня, мой добрый город!

7
Ты подожди меня, мой добрый город!
Признаюсь, мил мне многотрубный ты,
Но кров, который молниями порот, –
Как небо – птице, страннику – мечты.

Ни занавеси нет там, ни забора.
И с невообразимой высоты
Глядит на лес, на травы и кусты
Прозрачный месяц. И за разговором

Застану звёзды в млечной вышине.
Ах, горы, горы! Кто же вам не рад?
Но сколько я нагородил преград
На том пути, что грезится во сне!

Но к дали той, что на уют скупа,
Я возвращусь! Резва моя стопа.

8

Я возвращусь! Резва моя стопа.
Приду обласканный семью ветрами.
На голову просыплется крупа,
И будет небо мне грозить снегами.

Я старости скажу: «Как ты глупа!
Невыносимо мне в твоём бедламе!
Сниму с души усидчивости камень.
Прекрасна ты, осенняя тропа!

И пусть печаль, как снег, падёт на плечи,
Ей не замкнуть моих стремлений круг.
Пусть поседеет мой зелёный луг,

Скажу: «Друзья мои, ещё не вечер!
И жить хочу среди привычных дел...»
Но в этом мире есть всему предел.

9

Но в этом мире есть всему предел.
И даже, если жизнь – сама отрада
И с малолетства благостен удел,
Всё ж пробил час, и – расставаться надо.

И предъяви, будь добрым, свой задел.
В счёт не идут ни гордость, ни бравада,
Ни горечь жизни, ни её услада,
А только то, что ты свершить успел, –

От первой буквы до последней точки.
Впервые ты предстанешь пред судом,
Где нет ни послабленья, ни отсрочки:
Всё по заслугам будет, поделом.

А что у времени судьба земная,
Я с каждым днём яснее понимаю.

10

Я с каждым днём яснее понимаю,
Что ничего не в силах изменить,
Что мой отрезок – это не прямая,
И мне его никак не удлинить.

Порою кажется: юдоль земная –
Непрочная натянутая нить.
И – не ослабить и не упрочнить...
Порвётся – предоставит кущи рая.

И всё же глупо век дрожать над нею.
Так могут силы все уйти на дрожь,
И ты её сквозь век свой пронесёшь,
Мужского шага совершить не смея.

Но ты живёшь на свете, сознавая,
Насколько далеко ушёл от мая.

11

Насколько далеко ушёл от мая,
Родившего волшебный первоцвет
И давшего дорогу. Понимаю,
Что ничего дороже в мире нет.

Она – извилистая ли, прямая –
Не золото дарует – белый свет
И цепь тебе лишь отведённых лет.
Бери и пользуйся. И пусть земная

К тебе любовь придёт, как жизнь сама,
Как даль и как морская бирюза,
Что пролита в открытые глаза.
Но час настал и – вот твоя сума.

В ней всё: и что любил, и что ты пел,
И что, увы, немного преуспел.

12

И что, увы, немного преуспел,
Живя в огромном, в неоглядном мире
Совсем не потому, что не посмел,
Но часто изменял подруге-лире.

Цвел на больших полянах чистотел,
Играли реки на своём клавире,
Мой шаг под ветром становился шире,
Порой казалось: я не шёл – летел.

Но вспомнилось: я – старый человек,
Усталые едва принёсший ноги,
И что на плохо тореной дороге
Провёл я свой совсем не добрый век.

Но всё же. Всё же поспешать велит
То время, что торопится в зенит.

13

То время, что торопится в зенит,
Совсем не допускает расслабленья.
Оно корит, в беспечности винит.
Но ты не уставай от вдохновенья.

Зачем укоры: ты не сибарит!
Бери себе в помощники терпенье,
Усидчивость и утреннее бденье,
А также – трудолюбия гранит.

И с этим грузом отправляйся в путь,
Иная и не надобна поклажа.
Она тебе наперсница и стража –
Напоит и накормит, как-нибудь.

Иди! Тот миг, что поспешать велит,
Над головой настойчиво звенит.

14

Над головой настойчиво звенит
Звонок. Конец последнего урока.
Ты – вечный странник. Тем и знаменит.
Но, может быть, сигнал звучит до срока.

Там, за горой, опять заря горит
Нетленным светом вечного пророка.
И ты не ищешь на дороге прока,
Сама природа жизнь твою творит.

Природою пресытиться нельзя,
Поскольку всё её разнообразье
И есть твоей души нетленный праздник.
Леса и горы – вот твои друзья!

И на комфорт и нежности скупа,
Опять зовёт таёжная тропа.

15

Опять зовёт таёжная тропа
В далёкий край, в нехоженые горы.
Сквозь оголтелый жёлтый листопад,
В осеннюю неласковую пору
Недаром говорят, любовь слепа.
В дорогу соберусь легко и скоро.
Ты подожди меня, мой добрый город,
Я возвращусь: резва моя стопа.
Но в мире этом есть всему предел.
Я с каждым днём яснее понимаю,
Насколько далеко ушел от мая
И что, увы, немного преуспел.
То время, что торопится в зенит,
Над головой настойчиво звенит.

Петр БУРМИН

О мире и войне

1

Гощу я в сельской дедовской избе,
врачуя застарелую тоску.
А бабушка, забывши о себе,
мне говорит о буднях на току.

Но говорят мне о её судьбе
седины, что струятся по виску...
А то иду к недальному леску,
увы, без прежней легкости в ходьбе.

И, как сосуд, что не имеет дна,
вмещаю всё, что вижу, чем дышу,
и всё, что слышу в звонкой тишине.

Священная родная сторона
мне дарит всё, что я ни попрошу...
Но беспокойно, неудобно мне.

2

Но беспокойно, неудобно мне
среди берёз, оврагов и полей –
в отцовской безмятежной стороне,
на безмятежной родине моей.

Здесь я узнал впервые о войне
по похоронным стонам матерей,
по мукам голодающих детей,
с которыми страдал я наравне.

Нет, не смогу почувствовать уют
я даже у родного камелька,
покой позволить не смогу себе,

пока младенцы где-то в мире мрут,
не зная ни лекарств, ни молока,
покуда люди гибнут при стрельбе.

3

Покуда люди гибнут при стрельбе,
как погибали в ту годину зла,
когда родного моего к себе
Россия-мать в солдаты призвала.

Отец мой пал при пушечной пальбе;
но Русь, что им заслонена была,
его на холм Мамаев подняла,
даря бессмертье в каменной судьбе.

Стоит Солдат, гранитную ладонь
на автомате держит неспроста –
мир стережет с живыми наравне.

И, глядя на негаснущий огонь,
он не оставит своего поста,
пока с бедой идет страна к стране.

4

Пока с бедой идет страна к стране,
дотоль без хлеба пустовать столу,
и чьим-то папам гибнуть на войне,
и чьим-то детям помирать в тылу.

Дотоль пылать в напалмовом огне
кроватьке детской, мирному углу.
Дотоль гореть усадьбе и селу,
где зеленеть бы травам по весне.

Добра не знать живущему всему
дотоль, покуда миром правит злость.
Сужу-ряжу об этом по себе.

Немало бед и горя самому
мне испытать когда-то довелось –
война гремела и в моей судьбе.

5

Война гремела и в моей судьбе.
И я не миновал её тревог.
Был мал, чтобы участвовать в стрельбе,
но для победы делал всё, что мог.

То стриг овечек, то при молотье
водил быков в ярме за поводок.
Со всеми вместе голодал и дроз –
часть бед народных нёс я на себе.

К погоде гнёт меня радикулит,
страдаю, словно фронтовик от ран.
Моя напасть – то память о войне.

Войны Отечественной инвалид,
войны Отечественной ветеран,
теперь тружусь я в мирной тишине.

6

Теперь тружусь я в мирной тишине.
Как все, дышу, работаю затем,
чтоб люди не страдали на войне,
чтоб люди не прощались насовсем.

Как все, зимой мечтаю о весне.
Ищу слова, охочий до поэм.
Рощу девчонок, убаюкая всем,
чего так в детстве не хватало мне.

Ещё не стар, не хил, хотя и сед.
Ещё способен ближнему помочь...
И мне всё реже грезятся во сне

ужасные кошмары прошлых лет.
Но я их тотчас прогоняю прочь.
Гоню всё время думы о войне.

7

Гоню всё время думы о войне.
Но страшный призрак лезет на порог
и снова угрожает тишине,
и рушит всё, что до сих пор берег.

Трудились мама с папой наравне:
он Родину от врага стерёг,
она пшеницу запасала впрок –
но оба смерть свою нашли в огне.

Хлеб молотили бабы до утра,
когда совсем не оставалось сил,
в солому забрались, как в колыбель...

Семнадцать жертв забытого костра,
стою у ваших дорогих могил,
гоню всё время думы о себе.

8

Гоню всё время думы о себе.
Но все напрасно. Вижу пацана,
по чьей злосчастной долюшке-судьбе
тяжёлым танком проползла война.

Страна могла забыть о голытьбе
в те дни... и это не её вина:
была её вся сила отдана
святой освободительной борьбе.

Победа!.. Тем она милей вдвойне,
кто отдал детство городу, селу,
кто не умел в бою себя беречь.

Победу добывали мы в огне,
победу добывали мы в тылу.
Война прошла, вложили в ножны меч.

9

Война прошла, вложили в ножны меч.
Бойцы вернулись в свой домашний круг.
Увы, не все. Гораздо меньше встреч,
чем было расставаний и разлук.

Сколько война заставила полечь!
Не просто выжить средь свинцовых выюг.
И чей-то папа, сын или супруг
не смог себя для близких уберечь.

И мой отец себя не уберёг,
пал в сорок третьем огненном году –
родная кровь над Волгой пролилась.

Погоревал, поплакал я в свой срок,
там начал забывать свою беду...
Но памяти необорима власть.

10

Но памяти необорима власть.
Людская память даст всему отпор.
Её нельзя ни спрятать, ни украсть.
Она всё помнит – подвиг и позор.

Немеркнущая гётевская страсть
сердца воспламеняет до сих пор,
полотна Лейбля восхищают взор...
И вместе с тем коричневая мразь,

Германия, была в твоей судьбе...
Тебе простил умом и сердцем я;
во имя твоих лучших сыновей

я не сказал плохого о тебе...
Но память – обвинитель и судья,
и я напрасно препирался с ней.

11

И я напрасно препирался с ней –
с моею музой. С ней меня свело
ещё среди предгорий и полей
мое родное старое село.

Я не разлучен с музою моей,
хоть с ней подчас безмерно тяжело.
Борясь за правду, сваливая зло,
я стал непримиримей и добрей.

Отец не бросил своего поста,
Покуда бог не взял его в эдем...
Готов и я костями за слово лечь.

Войну клянём мы с музой неспроста,
О прошлых бедах говорим затем,
чтоб от грядущих бед предостеречь.

12

Чтоб от грядущих бед предостеречь
народы мира и своей страны,
с трибун ООН, международных встреч
мы говорим об ужасах войны.

Нельзя молчать. Преступно пренебречь
листом бумаги, плоскостью стены –
все средства убеждения важны,
чтоб мир от катастрофы уберечь.

Мы совершаем мирный свой поход,
чтоб от пожаров атомных спасти
заросший пруд, где плещется карась,

птенца, что в небо устремил полёт,
цветы, что не успели расцвести,
людей, чья юность только началась.

13

Людей, чья юность только началась,
не тяготят заботы о куске.

А недород, оскаленная пасть,
не держит жизни их на волоске.

Не угрожают им, живущим всласть,
ни ранние седины на виске,
ни похоронка – пытка на листке, –
ни прочая военная напасть.

Но для того, чтоб близких уберечь,
равно как уберечься самому
от злой напасти, нужно знать о ней.

Она внезапно может подстеречь...

И потому, и только потому
я рассказал о юности своей.

14

Я рассказал о юности своей
при помощи сонетного венка.
Событиями давно минувших дней
я снова жил, рассказывал пока.

Опять страдал я с Родиной моей.
Зато я рассказал наверняка
про юность сироты и босяка,
типичного для тех тяжёлых дней.

Мой тяжкий путь – то многих тяжкий путь:
другие дети шли со мной в ночи.
Я рассказал не только о себе.

Я в отпуску. Мне нужно отдохнуть.
Устал я. Полно, муза. Помолчи.
Гощу я в сельской дедовской избе.

15

Гощу я в сельской дедовской избе.
Но беспокойно, неудобно мне:
покуда люди гибнут при стрельбе,
пока с бедой идет страна к стране.

Война гремела и в моей судьбе.
Теперь тружусь я в мирной тишине,
гоню всё время думы о войне,
гоню всё время думы о себе.

Война прошла, вложили в ножны меч.
Но памяти необорима власть,
и я напрасно препирался с ней.

Чтоб от грядущих бед предостеречь
людей, чья юность только началась,
я рассказал о юности своей.

20.05.1976

Сергей ЕРОФЕЕВ

Песнь Шории

1

Привычно дик, печален древний край...
Предвосхищая тяжкую годину,
Он скальной твердью давит мне грудину:
«Ты с кем, усталый путник? Выбирай!...»

Таёжных духов смутные черты
Моей души готовят освоенье,
В кругу огня лишь есть успокоенье –
Как отрицание вселенской черноты.

Один лишь шаг, и вот уже порог,
И что гадать – ты мог или не мог
Окончить срок предательским движеньем?

В рядах осин, всевидящий старик,
Блуждает неизменный лунный лик,
Подёрнутый туманным серебреньем.

2

Подёрнутый туманным серебреньем,
Увенчанный бесформенной короной,
Пусть усмирённый писаной иконой,
Но ставший неотступным наважденьем,

О Дивный мир, нескладный и нещадный,
Плетьями вечной черни перевитый,
Рукою или временем побитый,
Ещё безлюдный и ещё отрадный... .

Далёкий шлейф клубящихся надежд
Покоится в сени Твоих одежд,
Сменяемых с завидным небреженьем... .

Посулы ночи и стенанья дня
Ты умерщвляешь, думы полоня
Извечным поступательным круженьем.

3

Извечным поступательным кружением
Листы Твои слетают. Не иначе –
Ты разгадал спирали Фибоначчи
В стремлении овладеть воображеньем.

Суровый миф, железный крестный путь...
Влача грехи, мотыги и лопаты,
Тебя прошли лихие азиаты,
Искатели, кто помышлял блеснуть

Умом и потом добытым богатством,
И бунтари с их удалью и братством, –
Земля чудес и каторжный сарай...

Бесстрастный к мерной смене поколений
В Тебе сокрыт и злой, и добрый гений,
Воссоздающий первобытный рай.

4

Воссоздающий первобытный рай
Тысячерукий сумрачный подвижник,
Как изгнанный Святыми чернокнижник
Ты выпестовал здешний карагай.

Прописываясь в каменных громадах,
Влагая смысл в селения и своды,
Ты приютил колена и народы,
Произрастая в воинственных номадах.

Медвежьей крови дикий искупитель
И Чёрных гор неистовый строитель
Зря опасается дождя небесных стрел.

Живое воплощение проклятий –
Рост терриконов и спортсменских партий,
Величье звёзд и приземленье тел.

5

Величье звёзд и приземленье тел
Осознавая ныне в полной мере,
Внушая одомашненной химере,
Что больше не вредит ей белый мел,

Я тшусь постичь безбрежное двуличье,
Где шёпот сосен холоден и ясен,
Где снег берёз сменяет бурый яшень, –
Восточное былое пограничье.

Урочища волнений и пожарищ
Помазаны следами прежних капищ,
Купавшихся в мистическом улове,

Но я войду в дремучее сознание,
Жестокое и жаркое стеланье
Предчувствуя в неслышном томном зове.

6

Предчувствуя в неслышном томном зове
Живую гипнотическую радость –
Подложную пленительную сладость
Самоотказа в разуме и крове,

Я покоряюсь двойственной природе
Любви Твоей всецело и отныне
Всё ближе к упоительной равнине
Соскальзываю по сырой породе.

Но исполинов грозный хоровод,
Несущий смело купол горних вод,
Отнюдь не жаждет подношенья крови, –

В угоду глазам перелётных птиц
Я отделил Закон от небылиц, –
Я мысленно ловлю Тебя на слове.

7

Я мысленно ловлю Тебя на слове,
Не пробуя взрастить необходимость
Отринуть чащ глухую нелюдимость...
Хотя и сознаю, что наготове

Слепотоу гнева ржавая острога, –
Под пологом брезентового ложа
Жизнь кажется милее и дороже,
Способней к подведению итога.

Предросный сон опять роит фантомов,
И стук нерукотворных метрономов
Обозначает суточный предел.

Отторгнутый от мраморов и пиний,
Я растворяюсь в местах казачьих линий,
Страшась опять остаться не у дел.

8

Страшась опять остаться не у дел,
К Тебе взывают толпы обречённых
Приверженцев теорий отвлечённых,
Грядущих в Беловодья новодел.

Не проще ль ждать, в предчувствии венца
Отдав себя растительному яду,
Что вострубят четыре раза кряду
Пернатые посланники Творца?

Озвученный Манакскою шиверой,
Ещё сочится полдень древней верой,
Окрашивая пасмурный восход,

И привлечён сокрытым достояньем,
Изобличен всегдашним обстояньем,
Пленён Тобой, замыслю я исход.

9

Пленён Тобой, замыслю я исход
Из череды неблагоприятных будней...
Пусть тлен сомнения не станет беспробудней,
Но не зависят час, число и год,

Когда бездумно о косу споткнётся камень
От горестных усилий гордеца
Отсрочить наступление конца,
Ввергая все тревоги в синий пламень.

И будет мой маршрут тосклив и складен,
Иль известковый мрак Патынских впадин
Отнимет силы двигаться вперед,

Ни Ты, ни я не в силах уловить,
Хотя б немного приостановить
Сподвигнутый Твореньем стрелок ход.

10

Сподвигнутый Твореньем стрелок ход
Влечёт познать глубокие потоки,
Покуда не растратились истоки,
Покуда смысл несёт понятие «брод»...

Ревущий праг, не одолён мощами
Вчерашних дезертиров чьих-то дум,
Привносит звуки в изнуренный ум,
Выкусывая лишнее клещами.

Изломаны преуспеяньем драг,
Притягивают воссиявший зрак
Ручьи, отвергшие беспечное фиглярство,

Но механизмов полстолетних рык,
Что неприметно поредел и сник,
Откроет мне наивное коварство.

11

Откроет мне наивное коварство
Бездумных планов генеральный вид:
Заветных долов плиточный гранит
И псевдоевропейское жеманство...

Взойдя на кромку торного оврага,
Я не узнаю заповедных мест –
Поставленный на этом крае крест
Торчит из лба замерзшего Пустага.

Насвистывая пошлую мазурку,
Проказник-ветр подскажет демиургу
Со всепрощеньем лечь под образа.

Последний акт – прелюдия поминок,
Растасканы останки битых кринок,
Прикрыты истомлённые глаза.

12

Прикрыты истомлённые глаза,
Сухих теорий вырваны страницы...
Земная даль, прорвавшись сквозь ресницы,
Преобразит былинные леса.

Иссякнет видимость, уйдет былая цель,
И молоко, разлившись над простором
Забытых пасек, яростным напором
Польётся вниз, презрев познания щель.

Определяя погребенья скифов,
Трехглавый ужас доарийских мифов
Примеривает поведение пса.

Я забываю каверзы и беды,
А на щеке бедняжки Андромеды –
Лишь краткий миг, и проблеснёт слеза.

13

Лишь краткий миг, и проблеснёт слеза –
Простой ответ засилью лицедейства,
Повсюду восхваляемого действия,
Которому мы дарим голоса,

Мешая разгильдяйство с древним культом...
Внимательнее если присмотреться,
Окажется инфаркт «Стального сердца»
На деле – ишемическим инсультом...

Оскомину набившие попытки
Культур-неврологические пытки
Представить как высокое шаманство

Я позабуду. Лучше не спеша
Перечитать Софрона Тотыша,
Определив духовное лекарство.

14

Определив духовное лекарство,
Сберечь его стараясь ежечасно,
Я понимаю – это всё напрасно
В условиях привычного дикарства...

Но Ты – мой Друг и вторишь мне пристрастьем...
От верб цветенья до хмельного злата,
От Огудуна и до Ерината –
Как Ты – в моей, так я – в Твоей лишь власти.

Всё изменяется, но всё ли изменилось
И в худшей ипостаси возвратилось,
Переродившись в сизокрылый гай?..

Пещерный оникс столь же многослоен,
И кедр ветвист, и соболь ладно скроен, –
Привычно дик, печален древний край...

15. Магистрал

Привычно дик, печален древний край,
Подёрнутый туманным серебреньем,
Извечным поступательным круженьем
Воссоздающий первобытный рай.

Величье звёзд и приземленье тел
Предчувствуя в неслышном томном зове,
Я мысленно ловлю Тебя на слове,
Страшась опять остаться не у дел.

Пленён Тобой, замыслю я исход.
Сподвигнутый Твореньем стрелок ход
Откроет мне наивное коварство.

Прикрыты истомлённые глаза,
Лишь краткий миг – и проблеснёт слеза,
Определив духовное лекарство.

Михаил МОЖАЕВ

Солнцеворот

1

Начать писать, так с чистого листа,
Пока от чувств не замутился разум,
Свободен дух и голова пуста,
Далёкая от догм и от приказов.

Превыше мысли только благодать
Да пращуров неведомых заветы.
Вот это мы и будем обсуждать
Высоким слогом русского сонета.

Ударьте-ка по струнам, гусяры!
Воспойте! Вы молчали до поры.
Ну, что же вы попрытались как мыши?

Ушедшие вас просят говорить
И заново былины повторить
В надежде, что наследники услышат.

2

В надежде, что наследники услышат,
Зерцало бытия не повредив,
Расставят всё по полочкам и нишам,
Подхватят им завещанный мотив.

И будет возрождён язык единый,
Утерянный за давностью времён.
И оживут, восстановив руины,
Не рой богов, но множество имён.

Кто знает имя, тот имеет власть.
Не суждено забытому пропасть.
Пред солнцем меркнет магия креста.

Когда-то где-то кто-то как-то жил
И что-то почему-то совершил.
На первый взгляд история проста.

3

На первый взгляд история проста:
Известны факты, имена и даты,
Свидетельства – истории костяк,
Классической теории солдаты.

Так говорят: Всё летописи врут,
Иначе – летописец ошибался.
И толкователь совершает труд –
Зря, что ль, в библиотеках ошивался?

Где буковку щипнёт, а где – словцо...
Скруглит углы, объединит в кольцо,
Завяжет бантик, тщательно оближет

И главный принцип – классику не трожь!
А летописи? Летописи... Что ж,
Любой захочет – новую напишет.

4

Любой захочет – новую напишет
Кто песню, кто поэму, кто строку...
Кто громко крикнет, кто шепнёт потише,
Что б только имя было на слуху.

Любая мысль – она материальна
И от того Вселенная шумит.
И правда радости как радуга реальна:
Наш РОД за нами издревле следит.

А мы, беспутные, свои ПУТИ забыли.
В архивах памяти одни лишь клубы пыли.
Прикованы к родительским местам.

Не ВЕДАЕМ, откуда это бремя,
Не чувствуем душой как в то же время
Таинственное ходит по пятам.

5

Таинственное ходит по пятам.
Язычество сроднилось с христианством:
Весной сжигаем чучел тут и там.
Традиция иль русское упрямство?

Уж если церковь нам даёт добро
На оправление языческих обрядов,
То, очевидно, жив ещё народ,
С которым договариваться надо.

Пусть судят академики об этом,
Что б изучать, не надо быть поэтом.
Незнание имеет вкус полыни.

Агностика приятней, чем безверье.
Пускай живут преданья и поверья.
За тайной правда прячется донине.

6
За тайной правда прячется донине.
Кто сведущ, тот не станет говорить.
Ведь слово изреченное остынет,
А ложью ничего не повторить.

Валькирия не к каждому приходит.
Кто – русские? Кто арии? Где соль?
И светоч нас досель в потемках водит...
Но, правда, был ещё один посол.

Сказал Христос: «Подобны будьте детям».
Ну, что же, будем жить хотя бы этим.
Начать опять? – Так с чистого листа!

И Богородица возрадуется дева.
И мне бы тоже... Вот бы то же мне бы,
Пока не заедает суета.

7
Пока не заедает суета,
Мы понимаем: сутки это много!
Но позже возникает маята –
Всю жизнь опять искать свою дорогу.

И всё равно проходим мимо цели –
Нет вешек, свет очам не поднесут.
Быть может, много пили, мало ели?
А может, нас пугает страшный суд?

Однажды кто-то кой кого родил.
Одних – медведь, кого-то крокодил.
Иль Божья Мать, иль старая Богиня...

Но праздник не возможно удержать:
Иль празднуем Отца иль чью-то Мать –
Неведенье не ведает унынья.

8

Неведенье не ведает унынья.
Неверье не рождает компромиссов.
Один сказал: «Я знаю Божье имя»
Другой ответил: «Всё давно прокисло!»

И суета сует суётся всюду –
Все шумно вспоминают человечность,
Политика – неверная дочь блуда.
Чем хуже нам, тем неотступней Вечность.

Сказать ещё, как правильно прожить?
Чем в жизни можно больше дорожить?
Читайте. Всё у вас в руках.

Включите память. Прочее – пустое.
Застой был лишь последствием застоя.
Следы веков теряются в песках.

9

Следы веков теряются в песках.
Все думают – помогут пирамиды.
Залезь туда и тут же на руках
Ты вытащишь сокровища Изиды.

Порою вдруг становится смешно...
Друг друга мы, практически, не слышим.
Да и не слушаем. Вот только это «НО»?!
Знак ВОЛИ? НОЛЬ – так что же будет выше?!

«Урал», «Санскрит» и даже «Слянчев бряг»...
«Друг» и обратно, гляньте дружно, «враг»...
БЕС-путные, сидите на местах.

Мне РА-ДО-СТ-НО прикосновенье к РОДУ.
Но БОЛЬ-НО знать, что некие уроды
Могилы предков превратили в прах.

10

Могилы предков превратили в прах...
Беспамятство равно порабощенью:
Перед правителем благоговейный страх
Рождает неспособность к возмущенью.

Ещё надёжней, если рассказать,
Что наши предки были неспособны
Врагам сопротивление оказать,
Пока все жили врозь и обособленно.

А вот когда пришёл единый Бог,
То царь единый сразу превозмог
Врагов – и прекратилось прозябанье.

Пришёл расцвет. Как будто до того
Русь не имела вовсе ничего.
Кипит душа, противится сознание!

11

Кипит душа, противится сознание:
Что станем делать с русским языком?
Он сам является древнейшим знанием,
Ведущим нас к истокам прямоком.

Следы от прежней веры в бога Ра
Любой найдёт, кто только пожелает:
Как русские кричат в бою? «У-Ра!»
А кто из нас Уральских гор не знает?

Таких примеров мы найдём без меры.
Важней другое – кем-то эта вера
Забвению была осуждена.

Но веру в Ра забвение не сломило,
И душу Ра Россия сохранила,
Радушная в любые времена.

12

Радушная в любые времена,
Земля живёт и жить даёт живущим.
Ей всё равно кого, она должна
Всех накормить единым хлебом сущим.

Земля людей не учит убивать.
Ей бы родить, а большего не надо.
Она для всех одна большая мать.
Служенье ей – и труд наш, и награда.

Нет для земли ни рас, ни «лиц», ни наций.
Не существует и цивилизаций.
И в космосе она пока одна.

Земля в России больше, чем причина,
Ум спрятав, обозваться дурачиной.
Была ли кем-то Русь покорена?

13

Была ли кем-то Русь покорена?
Народ бы лихо позабыл едва ли.
Пускай была разрознена страна,
Монголов в сказках и не поминали.

Горыныч Змей, Кощей, Яга, Тугарин –
Богатырями подняты на меч.
Мне кажется, про иго нам солгали
Правители, что б выгоду извлечь:

Народ, терпевший иго триста лет,
Покорен должен быть своей судьбе,
Покорные не станут страждать знанья.

Но на Руси пока Бояны есть,
Имеющие душу, совесть, честь.
Спасенье будет из Руси по предсказанью.

14

Спасенье будет из Руси по предсказанью.
Не надо ждать явления МЕССИИ,
Чудес особых и сакральных знаний.
Не в том спасительная роль её, России.

Да и, пока что, некого спасать.
Все умирают: люди, страны, царства.
У русских, ведь, особенная статья –
Без евро-азиатского коварства.

Народ наш столько раз уничтожали,
Что прочие-то выжили б едва ли.
А Русь стоит, прекрасна и чиста.

Здесь русский дух; не просто русским пахнет.
Мир остальной гниёт, жиреет, чахнет?
Начать писать – так с чистого листа.

15

Начать писать – так с чистого листа
В надежде, что наследники услышат.
На первый взгляд история проста,
Любой захочет – новую напишет.

Таинственное ходит по пятам,
За тайной правда прячется донныне.
Пока не заедает суета,
Незнание не ведаёт унынья.

Следы веков теряются в песках.
Могилы предков превратились в прах.
Кипит душа, противится сознание.

Закончились обмана времена:
Русь не была никем покорена.
Спасенье будет из Руси по предсказанью.

Анатолий ПЕРВУШИН

Венок странствий

1

В гомеровом пространстве погибая,
Я разум натруждаю, как Сизиф... –
Что для других история и миф,
То для меня судьба моя другая.

Её от глаз и мира берегая,
Я нарастил себя, как море – риф.
В глубинах слова сердце растворив,
Ищу напрасно друга и врага я.

Дав обезьяне силу попугая,
Немой, я становлюсь красноречив
И сам с собою расстаюсь со смехом...
Поэму странствий собственных слагая,
Иду я в океан забытых чтив,
В его глубинах отдаваясь эхом.

2

В его глубинах отдаваясь эхом,
Я слову жизнь свою передаю
И как гребец спускаюсь в ту ладью,
Которой даже боги не помеха.

Здесь верному дан сердцу милый друг,
Огонь любви и страх перед судьбою.
Здесь каждый должен стать самим собою,
Став не двумя, а лишь одним из двух...

Когда меня здесь покидает дух,
Страх понуждает принимать решение,
А спутники – как воробьи по стрехам...
И нету сил – огонь в груди потух –
И близок час платить за прегрешенья...
Я возношусь к надеждам и успехам.

3

Я возношусь к надеждам и успехам,
И сам ещё не знаю, что спасён...
Но снова беспощадный Посейдон
Крушит мой чёлн, как скорлупу ореха.

Нет сил страдать, и я иду ко дну,
Однако волей рву себя наружу.
И пусть я ничего не обнаружу,
Но руку вверх тяну я и тяну...

Кого я только здесь не помяну
Недобрым словом в бога, мать и душу,
Потоки вод из чрева извергая.
Нет времени искать свою вину,
Когда ищу спасительную сушу,
Скорбящею душой изнемогая.

4

Скорбящею душой изнемогая,
Я души мёртвых кровью опою.
Меня хотели обратить в свинью,
Держал как раб барана за бока я...

Меня за лесть полюбит Навсикая,
Пред ласками богинь я устою,
Я лишь вперёд идти не устаю,
На смерть друзей и близких обрекая.

За что судьба мне выпала такая?
Не сам же создал я судьбу свою...
Страх как сизифов камень вверх толкая,
Я то смеюсь, то горько слезы лью...
И сам себя уже не узнаю
В зеркальном отражении стиха я.

5

В зеркальном отражении стиха я
Явлю тебе, всеильный Алкиной,
Всё то, что оставляют за спиной,
Какой уж год ненужный скарб таская.

Тебе оставив, унесу с собой
Тоску и боль обманутых желаний

И в фимиаме жертвенных закланий
Спляшу как шут поверхности тупой.

Вас веселя, гляжу на вас с тоской
И ничего не жду, тоске внимая.
Ещё на миг её опередив,
Смешаюсь с веселящейся толпой
И средь зеркал, где стынет боль немая,
Сокрою сердца пламенный порыв.

6

Сокрою сердца пламенный порыв,
Пустой надеждой тело взбудоражу,
Поставлю память мёртвому на стражу,
Карабкаюсь из бездны на обрыв;

Размыслию, рассчитаю, соизмерю
Возможную находку и потерю
И вновь с мечом, рассудок свой поправ,
Навстречу смерти, гибели и року

Я протяну натруженную руку
К судьбе своей, как к боли костоправ.
В который раз пусть буду я неправ,
Пусть пропаду, судьбы не изменив,
Но оживёт, безумствуя, мой нрав
И слово оживит, в себе сокрыв.

7

И слово оживит, в себе сокрыв,
Моя душа пророчества Аида.
Лишаясь страсти, облика и вида,
Шагну за грань и в смерти стану жив.

Всю невозможность жизни обнажив,
Как крик рожденья и как панихида
Дойду до уха чуткого КРОНИДА
И обернусь, звук в чувство обратив.

Сомкну пути невидимого звука
И сердца прозревающего свет;
Пройду, из света в звук перетекая.
И вздрогнет, оживая мне в ответ,
Явив себя созвучьям как наука,
Любовь, что затуманит стих, стихая.

8

Любовь, что затуманит стих, стихая,
Вела меня, спасая и губя,
В служенье ей я забывал себя,
Её причудам глупым помогая.

Изведал злую долю моряка я –
Удел шута в трагедии богов,
Где вместо сцены зыбкость берегов
В глубинах сердца без конца и края.

Играл ли я иль кто-то, мной играя,
Разверз Харибдой чёрный омут снов,
Как Сцилла, без разбора пожирая
Всех, в ком любовь свою воспламенил...
Любовь вела... иль сон меня манил,
Стихиями мой разум увлекая.

9

Стихиями мой разум увлекая,
Меня вы гнали, боги, аки пса.
И двадцать лет прошли как два часа,
В забвение и память истекая.

Гляжу теперь не буйствуя, но зная,
Как в сердце проникают словеса...
Как старая и хитрая лиса
Оглядываюсь, в дом свой проникая.

Бесчинствует там псов голодных стая,
Но я, не злясь, а лишь прищутив глаз,
Смирю свой гнев и стану терпелив.
С холодным сердцем в злобный мир вступаю,
Не тороплюсь, готовя смертный час,
Ещё на миг игру безумств продлив.

10

Ещё на миг игру безумств продлив,
Опять меня обманывает разум,
Пустую обезличенную фразу
В мои уста дрожащие вложив.

Из слов и фраз я создаю и строю
Чужую родословную герою,
Спасаю жизнь иль вдохновенно вру –
И сам уже никак не разберу:

Когда живу, когда веду игру...
Так нити все мои переплелись,
Так я словами душу затаскал,
Что лишь рука потянется к перу,
Так кажется: Её им чуть коснись,
Она исчезнет в омуте зеркал.

11

Она исчезнет в омуте зеркал,
Моя способность прозревать иное,
И стану я презренной Антиноя,
Что, к смерти мчась, ногами в стол брыкал.

Наполнясь мезтью, станет тверже скал
И крепче меди сердце, что рыдало,
И смерть, что слишком долго голодала,
Войдёт в него, как я в мой тронный зал.

Отдам ей всех, кто под руку попал,
А коль мужей ей крови будет мало,
Бесчестных свещу дев ей с потолка я.
Запечатлев на ликах свой оскал,
Она уйдёт, набросив покрывало,
И я вернусь, по ходу замолкая.

12

И я вернусь, по ходу замолкая.
Войду в свой дом, чтоб обрести покой.
Здесь всё моё... да сам я стал не свой...
Как будто кто, себя не отпуская,

Из прошлого вернулся всем чужой.
Вошёл в свой дом и – не пришёл домой...
С войны великой возвратясь с войной,
Родных и близких в бойню вовлекая.

Поймать хотел судьбу как мотылька я,
Но прожил жизнь в погоне за судьбой,
За разум лживый сердцем заплатив.

Спасая жизнь иль пользу извлекая,
Вернул я всё, что вижу пред собой,
Ушедшего назад не возвратив.

13

Ушедшего назад не возвратив,
Я вечной жизни путь начну с начала...
Живому сердцу не дано причала,
Пока звучит в нём неземной мотив.

Вновь ничего с собой не захватив,
Свой смертный лик сорву я с пьедестала,
Мне только умереть и не хватало,
На холм могильный камень свой вкатив.

Ушедшего, назад не возвратив,
Меня вы не нашли и ждать устали,
И я устал до судорог в висках...
Не возвратясь, я обречён идти,
Сворачивая в свиток дни и дали
И обретая то, что не искал.

14

И обретая то, что не искал,
И отвергая то, что плыло в руки,
Я шёл навстречу, сам с собой в разлуке,
Тому, во что мой взгляд не проникал.

В мелодию смертельную вникал
До одури в мозгу, до смертной муки;
Сплетясь в клубок, в груди змеились звуки
Изгибами заоблачных лекал,

Язык, немея, к глотке прилипал,
Мембраны прогибались, словно луки,
Истерзанного сердца не сгибая;
В оцепененье мозг всеильный впал,
И спас меня от гибельной науки,
В гомеровом пространстве погибая.

15 *Ключ*

В гомеровом пространстве погибая,
В его глубинах отдаваясь эхом,
Я возношусь к надеждам и успехам,
Скорбящею душой изнемогая.

В зеркальном отражении стиха я
Сокрою сердца пламенный порыв,
И слово оживит, в себе сокрыв,
Любовь, что затуманит стих, стихая.

Стихиями мой разум увлекая,
Ещё на миг игру безумств продлив,
Она исчезнет в омуте зеркал.
И я вернусь, по ходу замолкая,
Ушедшего назад не возвратив
И обретая то, что не искал.

ЛЮБОВЬ

И пусть ещё нет о любви ни строчки,
Они придут к тем, кто уже в пути,
Кто в них любовь свою сумел найти,
В проклятиях любви дойдя до точки.
Любовь своё являет существо
Ушам глухого и глазам слепца,
Мудрец о ней не знает ничего,
Отвергнув с грустью знания глупца.
Во лжи коварной разум уличив,
Сама же ложью разума жива,
Невинное и милое дитя.
Своих забав мы пленники почти,
Проникшие в глубины колдовства...
Слова ушли и годы пролетят.

1

Четырнадцать сонетов о любви.
Намечен путь, поставлена задача.
Что впереди: успех или неудача...
Зачем гадать – увидим впереди.

Свой первый шаг катреном обозначаю,
Уже назад с надеждой не гляди.
Там нет надежд, ты знаешь, позади
Осталась вечность горестей и плача.

Да, тяжело в неизвестность уходить,
И ты задумался: А стоит ли? Сомненья
Откуда ни возмись в твоей груди.

И ты уже подумал об отсрочке...
Но начат путь, вперёд без промедленья,
И пусть ещё нет о любви ни строчки.

2

И пусть ещё нет о любви ни строчки,
Пусть ищет разум суть её в словах,
Пускай зовёт её рабой привычки,
Игрой ума иль прихотью молва.

Пускай её поносят и возносят,
К инстинктам зверя, тайнам Божества
Пускай её мыслители относят,
Пускай от мыслей пухнет голова,

Пусть ищут в ней борьбы и наслажденья.
И пусть всю жизнь, до смерти и с рожденья,
Её в себе стремятся обрести,

Пускай, ведь если в людях есть стремленье,
Пусть даже нет в них ни любви, ни знания,
Они придут к тем, кто уже в пути.

3

Они придут к тем, кто уже в пути.
Сомненья и разочарованья.
Придут с любовью, чтоб с ума свести.
Чтобы безумьем души тех спасти,
Кто губит душу, встав на путь познания.

Придут они, чтоб веря в свой обман,
Влюблённый не утрачивал желанья,
Чтоб разумом, что в скорби ему дан,
Заставил смолкнуть все свои признанья,

Души не низводя до болтовни.
Они придут, и ты их не гони,
Ведь лишь тому дано их гнёт снести,
Лишь тем власть над собой дают они,
Кто в них Любовь свою сумел найти.

4

Кто в них Любовь свою сумел найти,
Что ждать тому, насмешки иль позора?..
О, как они безжалостны, сеньора,
О, как же им не грех со мной шутить.

То вдруг поманят, то побьют как вора.
Чтоб мне без них не умереть, не жить.
Я в них читаю строки приговора
Спасительного для моей души.

Но дни идут, души я не спасаю,
Свой приговор они ведут к отсрочке,
Стремясь признание вырвать у меня,

Что счастлив я, судьбу свою кляня,
И что любить я только начинаю,
В проклятиях любви дойдя до точки.

5

В проклятиях любви дойдя до точки,
С презреньем я отвёрг тот день и час,
Когда заставил не смотреть на Вас
Свои глаза, когда в слепой гордыне

Решил спасти себя, Любви не спас,
Когда до основания потряс
Я сам себя, увидев зев пустыни
И пустоту в спасении таком.

Ещё кляня, я стал любить тайком.
Мне стали взгляды и слова бесценны,
Обычные, как будто, до того.

С Любовью тот, кто любит, не знаком:
Добро и зло неся попеременно,
Любовь своё являет существо.

6

Любовь своё являет существо
Лишь тем, кто твёрд и не боится плена,
Кого в любви не отпугнёт измена,
Лишь тем, кто в ней не ищет своего.

Лишь тем, кто не клоня пред ней колена,
На равных с ней и раб её навек,
Тем, для кого она есть путь наверх.
В ком высока она и совершенна,

Кто сам её величие творит,
Её в себе над миром возвышая,
В стремленьях без надежды и конца.

Немой о ней всю правду говорит,
Открыто её сущность возвещая
Ушам глухого и глазам слепца.

7

Ушам глухого и глазам слепца
Она себя являет как истца.
О ней твердят у каждой подворотни
Понурый вид и бледный цвет лица.

Она достойна царского венца,
Хоть суть её виднее сквозь лохмотья...
Лишь ей дано со смертью расцветать,
О ней всего реальнее мечтать,
К её отвергшим шлёт она гонца,
И, лишь поддавшись ей, её смог побороть я.

Она вся на виду, но что с того...
Всегда одна и всякий раз иная.
Мы все живём, хоть что-то о ней зная,
Мудрец о ней не знает ничего.

8

Мудрец о ней не знает ничего,
Хоть сам зовёт её душой своею.
Смешно глядеть, как возится он с нею,
Стремясь достичь величья своего.

Как дорожит, торгуя где попало.
Кому ни попадя её даря;
И как проситель ждёт у алтаря,
Скорбя о том, что он принёс так мало.

Порой он даже злится, слёзы льёт,
Судьбу клянёт и жалуется Богу,
Что беден он и бедам нет конца...

Но тихой гавани он предпочтёт дорогу,
Дарованного сам же не возьмёт,
Отвергнув с грустью знания глупца.

9

Отвергнув с грустью знания глупца,
Она осталась таинством влекущим,
Обманом, схожим сущностью с не сущим,
Твореньем в вечных поисках творца.

Она осталась в памяти и слове,
Она ушла из помыслов и дел,
Ещё на миг расширив мой предел,
Напившись вдоволь слёз моих и крови.

Она свелась к моей первооснове
И, мною став, исчезла для меня,
Как исчезает облако в ночи.

Она во мне, так разве я виновен,
Когда люблю, в любви себя виня,
Во лжи коварной разум уличив.

10

Во лжи коварной разум уличив,
Любовь находит тысячи причин,
Чтоб оправдать и возродить желанья,

И что ей опыт всех моих потерь...
Ей правду заменяет оправданье.
За душами охотящийся зверь,

Имеющий в запасе сто личин.
Чтоб заманить и женщин и мужчин
В давящую, где стекает сок страданья,
Куда стекаются миры и мирозданья,

Чтоб пить тот сок и сладкий жмых жевать.
Нас ради них готова убивать
За слово лжи, коварное созданье,
Сама же ложью разума жива.

11

Сама же ложью разума жива,
Ты не поймёшь моей тоски безумной,

Того, как я искал тебя в словах
У жизни смолкшей и у смерти шумной,
Того, как я мечтал поцеловать

Края мечты, куда меня звала ты,
Как стала Ты душе мечом расплаты.
За то, что Я не смог тебя позвать.

Ты не поймёшь, как мог я понимать
Твой взор живой и холод слов мертвящий,
Что у меня жизнь отняли шутя.

Пока я жив, жизнь отними опять.
Жестокость проявляй свою почаще,
Невинное и милое дитя.

12
Невинное и милое дитя,
Бог слепоты с очами ясновидца.
Ты снишься нам, когда совсем не спится,
И радости сулишь, о нас грустя.

Ты манишь нас к далёкому пределу,
Под нашей жизнью подводя черту.
Когда-нибудь Тебя и я прочту
Глазами тех, в ком ты на нас глядела;

И ты увидишь собственное тело,
В котором суждено тебе явиться,
Реальность от земного отлучив.

До наших дел тебе не будет дела,
Тебе приход наш – случай порезвиться.
Твоих забав мы пленники почти.

13
Твоих забав мы пленники почти,
Знать не хотим свободы, кроме плена.
Мир казематом станет нам мгновенно,
Решись Ты нас на волю отпустить.

Мы научились, презирая, льстить,
Цена превыше верности измену,
И, ложью клятвам набивая цену,
Играть со смертью, чтоб тебя спасти.

Мы счастливы страданий груз нести,
Во тьме крошечной свет являя миру,
У всех бесправных взяв твои права.

Твои мы, но Тебя в нас не найти:
Как на словах лишь молятся кумиру
Проникшие в глубины колдовства.

14

Проникшие в глубины колдовства,
Прощаются с тобой на этом свете,
Где ты для них являешь царство Смерти
До той поры, пока Ты в них жива.

Ты говоришь – тебя никто не слышит,
В глаза глядишь – себя не видишь там.
Реальностью отброшена к мечтам,
Покорствуешь и делаешься тише.

Когда ты покидаешь нас, мы пишем.
Все те, кого Ты встретишь, нас прочтут,
Лишь о себе, а не о нас прочтя.

Ещё МЫ здесь, но взор уже недвижим...
Вслед за тобою свой закончив труд,
Слова ушли и годы пролетят.

15

Слова ушли и годы пролетят,
Как в знойном небе дымка на рассвете,
Как из души горящей, тени смерти,
Как мысли, те, что ото всех таят.

Уходит яд сомнений, боль утрат...
Обманом увлекаемая в сети
Любви, уходит жизнь, ей вслед в сонете
Уйду и я куда глаза глядят.

Пусть никого слова не убедят,
Пусть ни в одной не сыщется примете
Тот холодный ток, что пламенем крови

Разносится как атомный заряд...
Останутся, коль нет Любви на свете,
Четырнадцать сонетов о ЛЮБВИ.

Александр РЯБОВ

Макиавелли

1

Готовит время гибельный удар
Всему, что есть. Тому, что завтра будет.
Расставит даты, молча Бог рассудит,
Кому преподнести последний дар.

В душе моей спадает жизни жар.
Сквозит вдоль пола, ноги ветер студит.
Свернулась ночь, петух кого-то будит.
Ещё один закончился кошмар.

Дни вытекают сквозь часы-песок,
И время-призрак не спускает взгляда,
Но мыслей продолжается поток,

Душа по-прежнему дневному свету рада.
Закончив скоро жизненный урок,
Войду я в рай или в горнило ада.

2

Войду я в рай или в горнило ада.
Читатель мой, напрасно хмуришь бровь.
Да, я старею. Не волнует кровь
Мне шелест листьев дремлющего сада.

Мои труды – в них гордость и отрада –
Души моей нетленная любовь.
Очередную поднимая новь,
Я снова полон свежего заряда.

И всё же скромный подвожу итог
Своих сокровищ – нищенского вклада,
Собрания моих мирских тревог.

Мне седина – последняя награда.
Переступил я юности порог.
Уходит жизнь, и мне другой не надо.

3

Уходит жизнь, и мне другой не надо.
Сегодня я Флоренции не нужен,
Вниманием её не удосужен.
Не ожидал такого перепада!

Республика – всеильная громада,
Великий город рабством занедужен.
Пришёл тиран – и ты обезоружен
Дыханием таинственного смрада

Загробной жизни, смерти ли реальной.
Но вечный город не бывает стар.
Ты не явленье прихоти случайной,

Тебя не сроят войны и пожар.
Обдумывая этот факт печальный,
Снимаю со свечи густой нагар.

4

Снимаю со свечи густой нагар.
В республике и я служил при власти,
Случалось, разводил чужие страсти.
Доверие сограждан – Божий дар.

Игра богов – вертеть волшебный шар.
Мне жали руку, плакали от счастья.
Всем помогал я в тяжкое ненастье.
Мгновенье ока – и уже комар!

Фортуны вероломной проявленье –
Никто не избегает подлых чар –
Трусливый суд, моё недоуменье

И весь набор из хитроумных кар.
Потом, в тюрьме, явилось мне виденье –
Моя любовь! Души моей нектар.

5

Моя любовь! Души моей нектар.
В укор судьбе я призывал к богам.
Разбил мне сердце разум пополам.
Тюремщик мой неутомим и яр.

Мне не до смеха – я для шуток стар.
Без палачей продляю пытку сам.
Увидеть вас – по капле кровь отдам.
Вы – ангел мой! И самый щедрый дар.

Для пчёл работа – их душистый мёд.
Со всех концов заброшенного сада
Они незримо совершают лёт.

Нектар весны им ценная награда.
Души моей вы растопили лёд.
Вы, моё солнце, счастье и отрада!

6

Вы, моё солнце, счастье и отрада!
По склону дней надвинулась беда –
Страшусь от вас услышать слово: Да!
Молчанье – золото. И говорить не надо.

Мой дух ушёл. Он улетел туда,
Где встретил вас, возжёт вам фимиам.
Пустое всё – не верьте вы словам!
Дух, Божий ангел, шутит иногда.

Я превратился в скорбного писца.
Поток чернил из ледяного града
Ударит словом тяжелей свинца,

Сломает ветви призрачного сада,
Разрушит стены мнимого дворца.
Пустыня – мне достойная награда!

7

Пустыня – мне достойная награда.
Всё хорошо, и вниз пошёл февраль.
Пишу тебе советы, государь.
Я не любовник. Я иного склада.

А недруги моим страданиям рады –
Пусть небылицы сочиняет тварь.
Душа чиста, как солнечный янтарь.
Стол приготовлен к позднему параду.

Чернильница, под ней – кусок холста,
Набор свечей и снят уже нагар.
Квадрат белеет чистого листа.

Со мною Ливий* и злосчастный Вар*.
Я не один, все заняты места.
Божественный бесценной жизни дар!

8

Божественный бесценной жизни дар!
Свободный конь не признаёт узды –
Летит, пугаясь, краем борозды,
Косится глазом на степной пожар.

Ищу причину мятежей и свар,
Сижу в ночи до утренней звезды.
Уже в саду защёлкали дрозды,
Туманом белым всходит в поле пар.

Печален путь пророков безоружных.
Рецепт простой – судьба его грустна.
Коль нет меча – попал в разряд недужных.

Любая правда силою красна –
Князей не отыскать великодушных.
А за окном блаженствует весна!

9

А за окном блаженствует весна!
Кукушкин счёт ко мне доносит эхо,
Но мне сегодня вовсе не до смеха –
Прервать не в силах сумрачного сна.

Ревёт и хлещет новая война –
Кому беда, кому мираж успеха –
В Италии безумствует потеха,
И злобствует, и гадит сатана.

И, будто стон оборванной струны,
Скользит из ножен непослушно сталь.
Уходят в вечность лучшие сыны.

Тревожным дымом затянуло даль.
Законы слабые – безумие страны.
Всё повторилось. Так бывало встарь.

10

Всё повторилось. Так бывало встарь –
Что ни давай, всё людям будет мало.
Толпе, достигшей грозного накала,
Пандора чёрный открывает ларь.

Ты трижды славный для народа царь,
Когда судьба несёт на гребне вала.
Но там, где меч хранит стальное жало,
Незыблемым останется алтарь.

Не иссякает, бьётся алый ток,
В висках стучит горячая волна.
Опасных прошагавши сто дорог,

Не расплатился я, видать, до дна
Бессонницею горестных тревог.
Сегодня ночью снова не до сна.

11

Сегодня ночью снова не до сна.
Вассалы царские откормлены в бесчестье,
И каждый третий – bestия из bestий.
Природа их, я думаю, ясна.

Равно им – праздник или день поста.
Они – сплетенье подлости и лести.
Будь, князь, готов, когда в обычном месте
Отравы отхлебнут твои уста.

Исторгни сердце и вложи гранит –
Тебя не тронут радость и печаль.
Ты – высший суд! Пусть твой закон не спит.

Окрепнет трон и прояснится даль,
И твоё царство – грозный монолит.
Не повторяй ошибок, государь!

12

Не повторяй ошибок, государь!
Мир поделён на бедность и богатство.
Вражде не позволяя застояться,
Её стрекалом подгоняет псать.

Народ бесправен – режь его и жарь.
Чиновник твой – ублюдок святотатства.
В провинции неразруσιμο царство
Твоих сатрапов, равнодушный царь!

Искать виновных – лучше не пытаться.
Давно уже раскуплены места.
Сквозь ночь до Бога нам не достучаться.

Таких на свете много – без креста.
К временщику не следует соваться,
Когда душа пред Господом чиста.

13
Когда душа пред Господом чиста,
В грядущем дне не видим опасенья,
И всякий день нам будет воскресенье.
Вся наша жизнь-то, в сущности, проста.

Живи достойно, можешь – лет до ста.
Преображённным – вечное спасенье.
Приняв однажды мудрое решенье,
Иди спокойно по пути Христа.

В раздорах исторической науки
Я неподкупен, как персидский царь.
По зову сердца, а не ради скуки

Иду сквозь ночь. А упадёт фонарь,
Его поднимут молодые руки.
Незыблемым останется алтарь.

14
Незыблемым останется алтарь.
Быть верным Богу – это так не просто!
Терновые колючки очень остры.
Глаза Всевышнего наполнила печаль.

Тоскую я и вглядываюсь в даль,
Душа засохла чёрною коростой.
Воображенья мир – большой и пёстрый –
Как горизонт, затягивает гарь.

Флоренция! Я тоже твой народ.
Твой малый сын, а ты мне Божий дар.
Готов я снова полосу невзгод

Пройти с тобой, разбиться как Икар! *
Последний, может, доживаю год –
Готовит время гибельный удар.

15 Магистрал
Готовит время гибельный удар –
Войду я в рай или в горнило ада.
Уходит жизнь, и мне другой не надо.
Снимаю со свечи густой нагар.

Моя любовь! Души моей нектар.
Вы – моё солнце, счастье и отрада.
Пустыня – мне достойная награда,
Божественный бесценной жизни дар.

А за окном блаженствует весна!
Всё повторилось. Так бывало встарь.
Сегодня ночью снова не до сна.

Не повторяй ошибок, государь!
Когда душа пред Господом чиста,
Незыблемым останется алтарь.

Стр. 47. *Ливий Тит* (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.) – римский историк эпохи Августа.

С. 47. *Публий Корнелий Вар* (46 г. до н.э. – 9 г. н.э.) – римский полководец, успешно воевал в Сирии и Палестине. Разбитый в Товтебурском лесу германскими племенами, покончил с собой.

С. 50. *Икар*. Мифический герой, сын изобретателя Дедала. Улетая с Кипра на искусственных крыльях, приблизился к солнцу. Воск, скреплявший перья, растаял, крылья рассыпались. Икар упал в море и утонул.

Коротко об авторах

Беркович Михайл Фадеевич (1929 – 17 июля 2008) – российско-израильский журналист, публицист и поэт. Родился в Ачинске, Красноярского края. Жил в Новокузнецке. В 1963 году вернулся в Новокузнецк. Долгое время работал зав. отделом и репортером городской газеты «Кузнецкий рабочий», откуда ушел на пенсию. По утверждению младших коллег в 70-80-е годы прошлого века Михаил Фадеевич Беркович был самым известным в Новокузнецке журналистом.

Бурмин Петр Сергеевич родился 12 июня 1933 г. в селе Солоновка Алтайского края. В 1947 г. приехал в Новокузнецк вместе с родителями, которые завербовались на строительство КМК. С 1950 г. начал работать на КМК. Служил в погранвойсках. На пенсию вышел из строительной фирмы, где работал художником-оформителем. В КЛФ «Контакт» пришел в 2001 г. Больше десятка его сборников стихов и фантастической прозы опубликовано КЛФ «Контакт» в 2010–2011 гг.

Ерофеев Сергей Сергеевич родился в 1984 году в южной столице Кузбасса. Образование высшее экономическое, специальность «Экономика и управление на предприятии (в металлургии)». С 2001 года трудится на преподавательской ниве: сначала педагогом дополнительного образования в МОУ ДОД «Флагман», а с 2006 года по настоящее время – преподавателем кафедры экономики и управления производством ГОУ ВПО «Сибирский государственный индустриальный университет». Литературной работой занимается с 2003 года.

Можаев Михаил Геннадьевич. Родился в 1959 году. Увлечение – создание корон сонетов.

Первушин Анатолий Васильевич родился 29 марта 1960 года в Забайкалье (ст. Карымская Читинской обл.). Доцент кафедры всеобщей истории, кандидат философских наук. Окончил Новосибирский государственный университет в 1985 г. Тема диссертации: «Проблема смысла жизни в рамках анализа человеческой целеполагающей деятельности». Область научных интересов: Основы, причины и начала философии, истории, гражданской жизни и государства, традиция, техники истории, генезис сознания, становление чувственности, творчество, ремесло, производство в их основаниях и началах, любовь, поэзия, музыка и др. Его «Сборник стихов» под псевдонимом Ник. То вышел в Новосибирске в 2007 году.

Рябов Александр Петрович родился 20 февраля 1946 года в Новокузнецке. Закончил металлургический техникум. Работал на алюминиевом заводе. Пенсионер. Пишет стихи и прозу.

Оглавление

Михаил БЕРКОВИЧ	
Странник.....	3
Петр БУРМИН	
О мире и войне.....	10
Сергей ЕРОФЕЕВ	
Песнь Шории.....	17
Михаил МОЖАЕВ	
Солнцеворот.....	24
Анатолий ПЕРВУШИН	
Венок странствий.....	31
ЛЮБОВЬ.....	37
Александр РЯБОВ	
Макиавелли.....	44
Коротко об авторах.....	51

Тираж 50 экз.